

Стелла Блейз

Агрегатное состояние души

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Стелла Блейз

Агрегатное состояние души

«Автор»

2026

Блейз С.

Агрегатное состояние души / С. Блейз — «Автор», 2026

Душа, как вода, имеет свои агрегатные состояния: твердеет, когда нужно защищать самое дорогое; тает, когда захлестывают эмоции; испаряется, когда сил больше нет. Эрик не знает, к какому состоянию привыкать. Он заменяет отца ребенку, пока его родной отец-художник живет в мире красок и образов. Он ведет предвыборную гонку против человека, которого презирает. Он позволяет кукловоду дергать за ниточки, потому что слишком многим ему обязан. И ничто не спасет от правды, которая бьет в самое уязвимое место: человек, которого Эрик ненавидит, оказывается его собственным отцом. "Агрегатное состояние души" – роман о том, что самое сложное в борьбе – не победить врага, а не потерять себя.

© Блейз С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	26
Глава 8	31

Стелла Блейз

Агрегатное состояние души

Глава 1

Предисловие

«Things are not always what they seem; the first appearance deceives many» — Phaedrus

Трек: Behind Blue Eyes — Limp Bizkit

Детская ладошка прикрывает рисунок:

— Не смотри, пока не готово!

— А что ты рисуешь? — высунутый от усердия кончик языка умиляет, я улыбаюсь.

— Твою душу... — тянет загадочно.

— Душу? Ну ты даешь, Лисенок! И какая же она по-твоему, моя душа? — меня сложно удивить, но он умеет огорошить.

— А ты как думаешь?

Зависаю на пару минут, но собираюсь с мыслями и напрягаю воображение, а то обидится.

— Наверное, похожа на подгнившее яблоко, неказистое, с темным пятнышком на боку и червяком внутри?

— Шутить, что ли? Подожди, сейчас покажу!

Он убирает ладошку с рисунка и гордо демонстрирует свою работу. Лисенок, безусловно, так же талантлив, как и его отец, кажется, дар в их семье передается по мужской линии. Лично я из рисунков могу выдать разве что схематичную елку из треугольников да домик, из трубы которого спиралью поднимается дымок. На большее таланта не хватает. А у него на листе рукавичка грубой вязки из овечьей шерсти крупным планом — как настоящая. А на ней — снежинка, резная, тонкая и хрупкая, с идеально ровными лучиками-стрелами.

— Вот она! Красивая, правда?

— Моя душа похожа на варежку? — притворно изумляюсь я.

— Какую еще варежку? — хихикает он. — Вечно ты меня смешишь! Нет, твоя душа — это снежинка. Кажется, просто крупинка из замерзшей воды, а рассмотришь — сказочный цветок с тонкими лепестками. А как без варежки снежинку-то поймать? Схватишь — и она растает, и останешься ни с чем. Лучики не рассмотришь, не поймешь, какая она красивая. Поэтому я варежку и нарисовал, вот.

Две мысли борются в моей голове, споря между собой. Одна, тщеславная, шепчет: «Настоящий художник, конечно, тот, кому дано увидеть то, что другим не под силу». Другая, куда более скептическая, посмеивается: «Красота в глазах смотрящего, поэтому реальность о-очень сильно приукрашена».

Светленькие бровки чуть нахмурены, трудная задача — объяснить мне, бестолковому:

— Твоя душа такая же — красивая и хрупкая. Только удержать нельзя: исчезнет и оставит тебя ни с чем. А ты и не поймешь, какая она удивительная! И новогоднее волшебство мимо тебя пройдет!

— Ого! Значит, я еще и новогодний волшебник? Дед Мороз что ли?

— Нет, Ты Кай из «Снежной королевы», только старый. Помнишь, мы читали? Кстати, — оживает Лисенок, — ты обещал новую сказку. Расскажешь?

— Про Кая?

— Нет, про себя! — решительно качает головой.

— А с чего начать?

— Глупый, с начала, конечно! — разводит он руками.

— А если сказка будет страшной?

— Это ничего, главное, чтобы со счастливым концом, — хитро улыбается и пытается подмигнуть, не зря же вчера полдня этому учился, отрабатывая перед зеркалом. А я задумываюсь, много ли нужно приукрасить в моей сказке, чтобы она была понятна, интересна, а, главное, поучительна для мальчишки-второклассника. Не легче ли все придумать заново и переписать начисто? Решаю следовать годами проверенной тактике — ввязаться в историю, начать, а там по ходу сориентироваться!

Глава 1

«Life is either a daring adventure or nothing at all» — Helen Keller

Трек: Ends of the Earth — Lord Huron

Сколько себя помню, я был маменькиным сынком, радостью и надеждой, единственным светом в окошке, который никак не мог подвести и разочаровать. Школу закончил с медалью, ведь мамочка так хотела. Участвовал в шахматных турнирах — так делали все умные мальчишки из хороших семей. Ходил в музыкальную школу — благо, хоть играл на гитаре, а не на скрипочке, как настоящие ботаники. Побеждал в олимпиадах и учил два языка со стареньким репетитором, лысенкиным дядечкой, трепетным доцентом с иняза; мама о таком образовании только мечтала, возможности в ее время были абсолютно другими. Имел румяные щечки, не забывал говорить «спасибо» и уступать места старушкам в автобусе. Выглядел до тошноты благопристойно. Старался оправдать доверие мамочки и не подвести.

В школе меня любили учителя, а дети не очень: я оставался для них пустым местом, тусклым пятном на фоне школьной доски, ничем не примечательным и неинтересным до такой степени, что даже смеяться надо мной было лень. Мои одноклассники курили, били морды и татуировки, мои однокурсники и однокурсницы крутили романы, женились, расходились, бросали учебу, подрабатывали барменами, ходили в клубы, горланили в караоке, влюблялись — и все это по кругу, как заезженная пластинка. А я все так же скромно улыбался, помогал бабушке-соседке и гулял только с песиком. Благо хоть щечки сошли — после первой сессии из-за волнений приключился гастрит, потом по моей безалаберности и недосмотру врачей перешедший в язву, так что пришлось сесть на диету и сменить пирожки на овощи на пару и безвкусную куриную грудку, такую же пресную, как моя жизнь.

Мама мной гордилась, тихо плакала в день зачисления в институт и хвалилась знакомым. Для меня она так и оставалась ангелом, который защищал от плохих снов и злых собак в детстве. И хотя со временем мне начало казаться, что я живу не своей жизнью, винил я в этом только себя. Мама ведь посвятила мне всю жизнь, надрываясь на двух работах, за что мне всегда было непреодолимо стыдно. Она смогла дать мне достойное образование, ни в чем не отказывала и воспитала меня достойным человеком (по ее мнению и мнению соседей, конечно).

Все внезапно изменилось после вручения диплома — естественно, красного, куда же денешься от синдрома отличника. Не знаю, почему меня переклинило, но вдруг стало тошно — от жизни, правильной и расписанной по минутам, от притворных улыбок и сдерживаемых эмоций («ты не можешь грубить, ты же из хорошей семьи!»), от себя самого. Я не то чтобы затеял бунт, но хотя бы понял, что в жизни надо что-то менять. Мама, конечно, сразу же достала альбом с моими детскими фотографиями, покачала головой сочувственно и заявила: «Весь в отца, гены-то не обманешь!»

Про отца я, сказать по правде, знал немного. От него я получил только светло-серые глаза и неподходящее для провинции имя Эрик, абсолютно не сочетающееся с маминой русской фамилией.

В чем состоял мой бунт? Нет, я не набил татуировку в пол-лица, не поругался с мамой и даже не женился на блондинке, которая от меня случайно забеременела. На это я был не спо-

собен. Я всего лишь вспомнил текст из школьного учебника французского про Жюль Верна, который, будучи одиннадцатилетним мальчишкой, пытался тайно устроиться юнгой на трехмачтовый корабль, чтобы утолить жажду приключений, а заодно раздобыть коралловые бусы для любимой кузины Каролины. Мне, как маленькому Жюлю, захотелось путешествий, приключений, соленого запаха моря, а главное, свободы. Вы думаете, я поступил в мореходное училище? Прошел медкомиссию, несмотря на то, что был ограниченно годен в армию из-за язвы, и попросился служить во флот? Нет, конечно! Я и сам не знал, в чем заключалась для меня свобода в тот момент, поэтому решил начать с малого — я просто собрал вещи и уехал в Москву — искать работу, искать себя, искать хоть какой-то выход из этой правильной, расписанной по минутам жизни. Абсолютно чужой...

Столица, конечно же, ждала меня с распростертыми объятиями, ведь таких воспитанных мальчиков из хорошей семьи с красным дипломом провинциального иняза там никогда не видели. Я ходил на собеседования и понимал, что вариантов немного — либо работать учителем иностранного за сущие копейки, либо отдать улыбчивому менеджеру приличную сумму за обучение с гипотетически возможным, но в реальности маловероятным трудоустройством на престижную должность. В общем, суровая реальность похоронила под собой мечты. Хотя я даже начал строить планы по открытию собственного бизнеса. Оставалась сущая мелочь: найти, где взять стартовый капитал, научиться вести дела и чуть поумнеть — чтобы наконец понять, что быть успешным бизнесменом — это не мое.

Помывавшись около месяца, я уже морально готовился уехать из столицы ни с чем домой к маме. И тут, как в любой сказке со счастливым концом, случилась та самая судьбоносная встреча — будто добрый волшебник заметил, что я стою на перепутье и не знаю, куда идти.

Мой самый преданный слушатель трет глазки, синие, как небо за полчаса до рассвета, и задает вопрос, ответ на который ему прекрасно известен:

— Это ведь был мой папа?

Отвечаю, стараясь ничем не выдать своих эмоций:

— Да, вот он-то настоящий добрый волшебник. Давай ложиться спать, Лисенок, поздно уже!

Он быстро засыпает, а я лихорадочно вспоминаю свой рассказ — не сказал ли чего непонятного, лишнего, не предназначенного для детских ушей. С ним ведь надо быть осторожнее — ушки на макушке, и умен не по годам!

Глава 2

Глава 2

«The meeting of two personalities is like the contact of two chemical substances: if there is any reaction, both are transformed» — Carl Jung

Трек: Amazing — Aerosmith

Вечером мы сидим у камина, он собирает любимый конструктор, я сижу за ноутбуком и пытаюсь работать. И вдруг неожиданно слышу:

— А что было дальше? Вы с папой поехали на море?

Я вновь напрягаюсь, боясь сболтнуть лишнего и превратить сказку со счастливым концом в нечто nepотpeбное. Например, в историю, где глупый старый Кай, совершив подлость, рушит свою жизнь, заставляя страдать самых близких. Собираюсь с мыслями и продолжаю рассказ.

Деньги и терпение подходили к концу, а я все шлялся по собеседованиям, надеясь непонятно на что. Отличник с презентабельной внешностью, молодой и амбициозный выпускник со знанием языков — просто соискатель мечты без опыта работы. Сначала были солидные офисы с представительными секьюрити, заоблачные понты с не менее заоблачными обещаниями доходов и карьерных перспектив. По мере того, как мои требования к будущей работе и зарплатные ожидания постепенно снижались, лица и машины на офисных парковках становились все проще, а работа мечты все также не находилась. Я был согласен на должность администратора, гида, менеджера, переводчика, редактора, копирайтера... В реальности требовались грузчики, электросварщики, автомеханики, официанты, водители-дальнобойщики и даже укладчики-упаковщики колбасных изделий. Ну, и школьные учителя с нищенской зарплатой, конечно, они требуются всегда. В общем, после очередного «Мы вам позвоним!» я шел по набережной, смотрел на чаек и завидовал им. Их не интересуют ни поиски работы, ни собеседования с пустыми обещаниями и несбыточными надеждами. А если надоела Москва-река, можно размять крылья — и улететь на море, а потом качаться на волнах, ловить блестящих рыбок с переливающейся на солнце чешуей, и наслаждаться свободой. Хотя чаек, наверное, и здесь неплохо кормят. А романтика странствий им чужда в отличие от Жюль Верна.

Какие-то пьяные крики, в которых едва можно было разобрать хоть одно цензурное слово, и оглушительный грохот отвлекли меня от фантазий. Трое люмпенов в изрядном подпитии вопили и крушили что-то, пиная ногами. Обычно я держался подальше от таких личностей, но тут вдруг мой взгляд зацепился за яркое пятно на асфальте. Картина, разорванная, с отпечатком ботинка посередине, изображала море: бескрайний простор, безмятежное закатное солнце и корабль, едва видимый у линии горизонта. Чайка парила над волнами: моя фантазия ожила на холсте. Я вдруг понял, что именно так выглядело море в моих детских снах — спокойное, безбрежное, с одиноким странником-кораблем. Длинноволосый парень в темно-серой грязной куртке с наполовину оторванным капюшоном пытался спасти другие холсты, не так сильно пострадавшие, от ярости пьяных подонков, однако силы были явно неравны.

Я, борец за права униженных и оскорбленных на минималках, ни разу в жизни не участвовавший в драке, вдруг впервые за двадцать с лишним лет почувствовал, что должен заступиться за чайку, корабль, искусство и длинноволосого художника. Ничего не соображая, я направил на бомжей телефон и заорал: «Фиксирую все на камеру, полиция уже едет!» Я не рассчитывал, что пьяные вообще способны реагировать на крики, однако спектакль настойчиво продолжал, истошно подвывая: «Мужчины, помогите, на человека напали!»

Прохожие шарахались от нашей странной компании. На помощь, конечно, никто не спешил, но, неожиданно для меня, сказав на русском полуматерном что-то вроде «мусоров нам только не хватало», гопники оставили свою жертву с картинами в покое и скрылись за углом.

«Ого, бабуля говорила: на всякий случай и палка стреляет!» — удивленно подумал я о своей первой победе над вселенским злом и присел на корточки рядом с парнем. Под глазом у него уже наливался синяк, на разбитой губе запеклась кровь, но он улыбался со странной безмятежностью, почти радостно, будто драка для него стала чем-то вроде признания.

— Ты крутой! Спасибо! — услышал я.

— Чайка... — как идиот, протянул я, не сводя глаз с испорченной картины.

— Любишь марину? — кто про что, а художнику сразу любовь подавай.

— Какую еще Марину? Никого я не люблю.

— Марину... в смысле, пейзажи с морскими видами.

— Не знаю, не задумывался, — до меня, как обычно, не сразу дошло, что он говорил о работах художников-маринистов.

— Значит, ты — просто Дон Кихот, вступающийся за угнетенных, и карающий злодеев? — подмигнул деятель искусств.

— Очень далеко от истины! — я начал осознавать, что я не Дон Кихот, а клинический идиот, которого только сейчас начало колотить от осознания всей тупости ситуации, произошедшей пять минут назад.

В критических ситуациях меня несло: молча покинуть поле боя было выше моих сил.

— Что спровоцировало столь роковой конфликт служителя муз с недостойными маргиналами? — я кивнул на пострадавшие холсты.

— У нас возник небольшой спор по вопросам богословия, — ухмыльнулся художник.

— Не сошлись в одном пункте из святого Августина? — отсылка к «Трем мушкетерам», любимой книге моей мамы, была слишком явной, чтобы ее игнорировать.

— Респект, — протянутую грязную ладонь художник предварительно вытер о джинсы. — Я, кстати, Ник!

— Как Рерих? — не удержался я от игры в имена.

— Хотелось бы, но нет, — картинно вздохнул он.

— Тогда как Пиросмани?

— Ого! Вспомнил про «Миллион алых роз»? — задорно улыбнулся парень.

— Конечно, это ж любой интеллектуал знать должен. Сейчас такой музыки и не пишут.

— Кстати, с Пиросмани тоже мимо — ни миллиона, ни роз у меня нет. Общего у нас только то, что мы нищие художники-самоучки.

— Но имя-то общее?

— Не-е, я Ник, который Никита, а не который Николай, так что ни Рерих, ни Пиросмани мне даже не тезки. Снова блеснешь эрудицией и все-таки назовешь художника с моим именем?

— Знаю только Номерза из Нижнего с его «Живыми стенами».

— Да, я видел его стрит-арт, реально оживляет старые здания. А ты, рыцарь, кстати, так и не представился.

— Эрик.

— Как Ремарк? Или как хитрый викинг, который открыл Гренландию и наврал всем, что она «green»? — подача в турнире интеллектуалов отбита, мяч на моей стороне.

— Не-е, викинг — это вряд ли. Да и Ремарка вообще-то Эрих звали. Я скорее, как Эрик, который Призрак Оперы.

— Любишь театр? — заинтересованно проговорил он.

— Просто всю жизнь ношу маску, за которой никто не видит моего реального лица, — драматично откликнулся я.

Мы были до жути довольны друг другом и нашим интеллектуальным диалогом.

— А чего они до тебя докопались? — задал я давно волнующий меня вопрос.

— Не знаю. Решил нести искусство в массы, продать свои картины на улице, как это делают коллеги по цеху. Но потом, как всегда, сболтнул лишнего и получил ответочку от проходивших мимо персонажей, более похожих на приматов, чем на людей.

Три картины — чайка над морем, барханы пустыни и закатное солнце, садящееся за горы, — были безнадежно испорчены. Ник без лишних слов швырнул их в мусорный бак, и у меня внутри все сжалось: столько труда, столько души — и вот так в один миг в урну. Оставшиеся две работы, по странному совпадению изображавшие не природу, а городские пейзажи, почти не пострадали.

— Ужасно жалко, — кивнул я в сторону выброшенных холстов, а на глаза даже слезы навернулись. — Такая красота испорчена.

— Да ладно, еще нарисую.

— Такой труд! А эти варвары...

— Да какой же это труд, это любимое занятие, — лукаво подмигнул Ник. — Знаешь, я могу не есть, не пить целый день, не спать пару ночей, а вот без красок и кисти будет невыносимо. Бесцветно и тошно!

Мой преданный слушатель затих, пальцем ковыряя дырку в покрывале на кресле.

— *И вы подружились?* — первый вопрос за время сегодняшнего рассказа, хотя обычно слышу их по паре в минуту.

— Да, с ним невозможно было не подружиться. Он, как рассвет с его картины, — согревал всех своим теплом и талантом. Его душа — точно не снежинка. Пожалуй, она как луч солнца: щедрый, бескорыстный и яркий.

— *И вы вместе отправились в сказочную страну, навстречу приключениям?*

— Все-то ты знаешь, Лисенок!

— А как она называлась? Асгард, как небесный город в скандинавских мифах? Помнишь, мы читали?

— На небесные чертоги и на мир богов то место было мало похоже. Пусть в нашей сказке это место будет называться Аквагард, суровый северный порт с крепостью на берегу моря.

— Красивое название, — мечтательно протянул он.

— Давай я продолжу завтра.

— Расскажешь побольше?

— Если будешь хорошо себя вести, Лисенок.

— Ты всегда так говоришь. Но длина твоих рассказов не зависит от моего поведения! А жаль!

Замолкает после очередной умной фразы, а я погружаюсь в воспоминания.

Неделю я прожил в комнатухе, которую снимал Ник, и куда он пустил меня по доброте душевной. А потом он неожиданно предложил поехать в затерянный городок за полярным кругом на берегу Баренцева моря, где когда-то и правда была деревянная крепость.

Ник доказывал мне, что в этом захолустье точно требуются рабочие руки, да и зарплата в Заполярье высокая. Думаете, я возражал? Отговаривал от поездки? Нет, конечно! Я ведь и сам давно хотел посмотреть на северное сияние и белые просторы. К тому же по семейной легенде мой отец был родом из этих суровых краев, которым мое северное имя соответствовало гораздо больше, чем средней полосе. Короче, одиннадцатилетний мечтатель Жюль Верн точно пришел бы в восторг от открывающихся перспектив.

Глава 3

Глава 3

«The secret of happiness is freedom, and the secret of freedom is courage» — Thucydides

Трек: Redemption Song — Bob Marley & The Wailers

— Ну и как вас с папой встретил Аквагард? — Лисенок требует продолжения истории с самого утра. — Злой король был в ярости, потому что два рыцаря приехали его победить?

— Лисенок, ты придумываешь сказки лучше меня. Зачем тогда рассказывать дальше? — разыгрываю я обиду.

— Нет, рассказывай! — настаивает он. — Могу сто дней подряд слушать твои истории. И мне не надоест, правда!

Интересно, это потому что у меня хорошая фантазия? Или, может, ребенку просто не хватает внимания?

Лихорадочно перебираю в голове воспоминания, которые почему-то представляются пожелтевшими страницами фотоальбома. Я могу забыть, куда положил телефон, могу тупить на кассе, вспоминая ПИН-код, но я никогда не забуду тех безбашенных парней, которые приехали в заснеженный город.

— Эй, ты заснул? — тербит меня мое чудо.

— Лисенок, подожди, дай собраться с мыслями...

Как рассказать моему мальчику о беспросветной безнадеге города за полярным кругом? О хмурых людях, которые, увязая в сугробах, спешат домой, в обшарпанную хрущевку со сквозняком из окон, заиндедевшими стенами, тараканами на кухне и вонючим подъездом? Как описать зиму с обжигающим ветром, экстремальными морозами и свинцовой тьмой, сквозь которую едва-едва пробивается призрачный свет луны?

Настоящий Аквагард оказался далеко не сказочным.

Постоянно сонный, с потрескавшимися от мороза ладонями и покрасневшими от ветра глазами, я снова искал работу, теперь уже в условиях угрюмой северной ночи. Тогда я злился на себя и весь мир за свое решение переехать. Хотя было ли оно моим?

Зарплаты в этом отвратительном месте были чуть выше, чем в моем родном Подмоскowie. Но конские цены, отсутствие выбора в магазинах, ужасно дорогой интернет, плохая вода, постоянные ветра и метели компенсировали все. Денег на то, чтоб вернуться, нам не хватало, так что мы в конце концов устроились в школу: я — учителем английского, а Ник — руководителем изостудии и фотокружка. Школьники, такие же хмурые и не выспавшиеся, как мы, не интересовались ни живописью, ни фотографией. Книг не читали, кино не смотрели, а из английского знали в лучшем случае одну легендарную фразу из «Mortal Combat». Ситуация удручала.

Зато нам дали служебное жилье — общежитие барачного типа с удобствами на этаже, где из-под крана текла ржавая, чуть теплая вода.

Как-то раз мы готовили себе обед — дешевые макароны с тушенкой — на общей кухне, пропахшей кошачьей мочой. В тот момент я решил спросить Ника:

— Почему ты выбрал именно этот город?

Знаешь, какой был ответ?

— Ну ... здесь так красиво, — мечтательно улыбнулся Ник, сидя на хлипком подоконнике. — Однажды я видел фильм о русском севере. Знаешь, как меня поразили полярные сумерки! А длинные тени от низкого солнца? Они создают такой удивительный рассеянный свет, что восприятие пространства меняется. Я захотел увидеть все это своими глазами, и вот — вижу.

— Подожди, мы приехали сюда только из-за длинных теней? — от удивления я едва не всыпал в сковородку с тушенкой всю пачку перца.

— А, да нет, конечно, — опомнился Ник. — Я тогда в Москве встретился с суровым северным мужиком. Лицо обветренное, глаза усталые. Он рассказал мне об этом городе, о его жителях, о природе. Увидел, что я заинтересовался, и пригласил приехать. Даже оставил свой номер и пообещал помочь, если что.

— То есть все из-за мужика и теней?

— Ну да. Так в Москве все равно не складывалось! Вот я и предложил переехать. И зарплаты-то здесь правда выше, ну!

Я бездумно помешивал лопаткой жирную тушенку, сверля взглядом стену, и даже не заметил, как макароны уже закипели. Поняв, что моя рассеянность может лишить нас обеда, Ник лихо спрыгнул с подоконника, снял кастрюлю с плиты и пошел сливать воду. Сизый пар поднялся вокруг него, на мгновение скрыв его силуэт.

— Слушай, а где он сейчас? — задумался я, повернув голову к Нику.

— М-м? Тот, кто номер оставил? — уточнил он. — Не знаю, мы так и не связались. Может до сих пор в Москве: он говорил, что приехал разыскать кое-кого. А это процесс небыстрый.

Мой мозг ухватился за образ этого мужика, пускай всего пару минут назад я и не подзревал о его существовании. Хотелось повесить на него вину за все: за ржавую воду в кране, за слипшиеся макароны с неаппетитно пахнущим пережеванным мясом, за то, что парой ярких фраз затащил нас в этот серый город. Но я понимал, что это нечестно: мы сами приняли решение, сами сюда приехали.

— Ты опять где-то далеко? — Лисенок тербит меня за плечо.

— Сейчас-сейчас.

— Расскажи про северное сияние. И про холодные волны, которые бьются о белые скалы, со всех сторон окружающие Аквагارد, — подсказывает он.

— Честно говоря, северное сияние я видел нечасто. Чтобы его увидеть, нужно выехать ночью из города, а там холод, ветер, спать хочется! Да, красиво, но ...

— Но ты не ездил за ним, потому что много сражался и уставал, да? — немного разочарованно произносит Лисенок, но потом находитесь. — Зато вы всех победили, стали богатыми, сильными и прокачали свои скиллы.

— Да, сначала было трудно, но мы со всем справились.

В этой общаге мы прожили больше года, ведь нет ничего более постоянного, чем временное. Я совсем отупел на работе, озверел от холода, нищеты и серости. А самое страшное, что мне уже ничего не хотелось: ни смотреть сериал с чашкой кофе в руке, ни общаться со знакомыми в соцсети, ни читать умные книги, ни спорить до хрипоты о смысле жизни. Ник — вот единственный спасательный круг, который держал меня на плаву. Он, казалось, не замечал нашего бедственного положения, по-прежнему улыбался, рассуждал об искусстве и рисовал, рисовал, рисовал. Пальмы и бескрайнее море, замок на песке и тореадора с ярко-красной мулетой в руках, облака и бенгальского тигра в джунглях...

Однажды он позвал меня в свой кабинет и кивком указал на одну из своих работ. У стены стояла картина: привлекательный сероглазый блондин, дерзкий взгляд которого притягивал как магнит. Я не сразу понял, что Ник нарисовал меня, хотя сходство было потрясающим. Мой художник умел видеть красоту даже там, где ее, казалось, быть не могло. Вот и меня он изобразил свободным, юным и немного нахальным. Я стоял на фоне водопада, задумавшись о чем-то.

— Что, не узнал этого человека? — улыбнулся Ник и провел пальцем по краю холста, будто стирая невидимую пыль. — Вот таким ты был в тот день, когда мы встретились. Дон Кихот и Робин Гуд в одном флаконе.

— А почему на фоне водопада, а не на фоне грязной Москвы-реки? — скептически спросил я.

— Просто ты у меня почему-то ассоциируешься с водопадом — такой же сильный, подвижный, глубокий и темпераментный. Не стоишь на месте, а постоянно меняешься и очищаешься от старого и ненужного.

Мне хотелось возразить: «Да разве я такой?» — но слова застряли в горле. Картина была настолько красива, а художник настолько убедителен и талантлив, что я только молча любовался портретом. Ник смотрел на все под иным углом, он видел то, что неподвластно другим. Рядом с моим волшебником хотелось быть лучше, хотелось верить, что именно его взгляд на вещи единственно правильный.

— *А когда вы уже всех победите?* — мой мальчик не очень хочет слушать про этот тускло-серый период нашей жизни.

— *Все постепенно, Лисенок. Первым добился успеха, конечно, твой папа. Только давай об этом уже после завтрака, ты не против?*

— *Ладно, но котлету есть не буду, только макароны. Бабушка их вкусно готовит.*

— *Эх, вьешь ты из меня веревки!* — улыбнулся я, стараясь, чтобы голос звучал легко. *А внутри все еще гулко отдавалось эхо северных зим: холод, серость, и только один человек, который умел видеть свет там, где его, казалось, быть не могло.*

Глава 4

Глава 4

«Success usually comes to those who are too busy to be looking for it» — Henry David Thoreau

Трек: The Winner Takes It All — ABBA

Ник почему-то никогда не верил в себя. Когда я говорил о его гениальности, он только улыбался и отвечал, что друг не может оставаться объективным. Ник хвалил картины учеников, в которых я лично не видел ничего, кроме убогой мазни, восхищался мастер-классами по живописи, которые регулярно смотрел в интернете, но себя считал просто самоучкой-любителем. Переубедить его оказалось невозможно.

Все как всегда решил случай. Я однажды наткнулся на объявление о благотворительном арт-маркете, который собирались провести в областном городе недалеко от нас. К участию приглашались художники, фотографы, дизайнеры, мастера с изделиями ручной работы, студенты творческих вузов и даже талантливые дети. Организаторы проводили отбор экспонатов на выставку, а часть денег от продажи билетов и самих работ направлялась в благотворительный фонд.

Я предложил Нику поучаствовать, и тот сразу загорелся идеей. Он стал допоздна задерживаться в своем холодном школьном кабинете, на время превращенном в творческую мастерскую, готовил работы детей к выставке и даже отобрал на конкурс пару своих картин. Конечно, его работы в неповторимом стиле — короткие мазки для передачи вибрации света, символизм и уникальная цветовая палитра — прошли отбор, а затем были куплены за приличные деньги. Ник не получил с этой сделки практически ничего, кроме чувства удовлетворения, но его талант не остался незамеченным. Начались какие-то непонятные звонки, на которые Ник сначала односложно отвечал, а потом перестал реагировать, сбрасывая вызов. Я пытался выяснить, кто звонит, но он только отмахивался.

А однажды вечером у заpleванного подъезда общаги я увидел блестящий черный BMW, которого наша глушь отродясь не видала. В машине рядом с водителем сидел Ник. Мое сердце пропустило удар, а в груди стало холодно, будто сквозняк из нашего вонючего подъезда вдруг добрался до самого сердца. Этот BMW, пугающий своей гладкой чернотой, вдруг показался мне знаком, что в нашу жизнь пришло что-то чужеродное, хищное и опасное.

Ник не заметил, что я проскочил мимо машины к двери. Я ждал, что он что-то расскажет, но он молчал. В ту ночь я не спал, в красках представляя себе ужасы, которые угрожают моему излишне доверчивому другу. Не в силах больше терпеть, я спросил его с утра, куда он ввязался.

— Я не знал, как тебе сказать — прятал он глаза, — но один серьезный человек хочет со мной поговорить насчет моих картин.

— А ты?

— Не хочу, — покачал он головой.

— Почему? — изумился я.

— Они только для меня. Это моя душа выплескивается на холст. Я не хочу их никому ни продавать, ни показывать.

— Но ведь мне показываешь.

— Так это ты, — протянул он.

— Но тогда, в Москве, ты же хотел продать картины...

— Мне нужны были деньги.

— А на арт-маркете? — я не до конца понимал своего волшебника, но он ведь гений, ему виднее.

— Это на доброе дело, не жалко.

Я не настаивал, в отличие от водителя черного BMW, который приехал еще раз, и еще. Я молчал, Ник нервничал. Вечером, в очередной раз увидев черный джип у подъезда, я постучал по стеклу. Из машины вышел бритый мужик, больше похожий на охранника, чем на ценителя искусства.

— Что тебе надо от Ника? — я чувствовал себя глупо, пытаюсь наезжать на мужика в два раза шире меня в плечах, чьи физические показатели явно превосходили когнитивные, судя по бицепсам и лицу, не обремененному интеллектом.

— Да ничего, — как ни странно, голос бритоголового качка звучал вполне спокойно и вежливо.

— А чего тогда едешь сюда?

— Босс хочет с ним поговорить, а твой дружок ломается.

— Босс? И кто же у нас босс? Меценат? Ценитель живописи? Фамилия его часом не Третьяков? — меня несло, а внутри кипело возмущение пополам со страхом.

— Да нормальный он мужик, чего ты быкуешь?

— Окей, тогда скажи своему хозяину, что завтра вечером к нему приедем, пусть скажет, куда и во сколько.

— Ну ладно. Номер только дай, время скину, как босс ответит. Адрес ни к чему, я сам вас заберу.

На следующий день за нами заехали, мы сели в BMW и устремились навстречу судьбе. Ник для порядка повозмущался, но потом признался мне, что побаивался ехать один, а попросить меня ему было неудобно.

Меня и Ника привезли в лучший ресторан нашего захолустья. Тот самый мужик на BMW, представившийся Богданом, что-то шепнул официанту, и мы, питавшиеся исключительно макаронами, сосисками, консервами и пельменями, ошалели от красоты и божественного запаха блюд. Я наелся семги на гриле, а мой друг впервые в жизни попробовал стейк рибай зернового откорма. Выпили мы всего по бокалу пива, но меня знатно развезло, то ли от него, то ли от вкусной еды, то ли от тепла.

— Богдан, не знаю, как Вас по отчеству...

— Василий Андреич.

— Какой еще Василий?

— Богдан — это из-за фамилии, Богданов я.

— Круто, Богдан, то есть Василий, а где же Ваш хозяин-филантроп?

— Да вон он, — к нашему столику направлялся высокий темноволосый мужчина. Наши взгляды на миг встретились, и он застыл, нахмурившись. Мне вдруг показалось, что мы встречались раньше, когда-то очень давно. Ведь он рассматривал меня так, будто стремился найти знакомые черты. Наваждение закончилось, когда он подошел совсем близко и чуть охрипшим голосом сказал:

— Простите за опоздание, дела, к сожалению, задержали. Давно хотел с вами познакомиться. Богдан, ты свободен.

— Значит меценат — это Вы?

— А вы, я так полагаю, Эрик и Никита, друзья, приехавшие в нашу провинцию из самой Москвы. Интересно, — он вновь изучающе посмотрел на меня, потом перевел взгляд на моего друга.

— А Вы кто?

— Простите, не представился. Марк Левицкий, — он протянул мне руку, ухоженную, с длинными аристократичными пальцами, потом рукопожатия удостоился и Ник.

— Что Вам нужно? — прозвучало несколько грубо, но лучшая защита — нападение, а его мрачная подавляющая аура и пристальный взгляд пугали меня.

— Уже сказал, что вы оба заинтересовали меня, поэтому надеюсь на долгое и плодотворное сотрудничество.

Оказалось, что процветающий бизнесмен, достойный кандидат в список Forbes Марк Левицкий, кроме прочего — хозяин галереи современного искусства. Он купил одну из картин Ника во время благотворительной акции и проникся талантом художника. Марк предложил Нику организовать выставку-продажу картин в галерее, был мил, вежлив, щедр обещания и невероятно убедителен. А еще осыпал Ника комплиментами, тонко подмечая детали его работ.

Мне Левицкий не нравился: ни его спокойный голос, ни его холодный взгляд, ни безупречный манеры, ни даже его часы, простые, массивные, наверняка стоящие целое состояние. Ник, который раньше и слышать не хотел о продаже картин, по непонятной мне причине проникся доводами Марка и согласился подобрать несколько работ для выставки. А на прощание Марк почему-то подошел ко мне и произнес тихо, но отчетливо:

— Эрик, вам я бы тоже хотел предложить работу, но не сейчас. Позже, когда вы перестанете смотреть на меня, как на врага.

Честно говоря, не так уж и пьян я был, чтобы пропустить мимо ушей такое, но я не воспринял его слова всерьез. А, наверное, зря.

— *И папа стал знаменитым?*

— *Не сразу, Лисенок. Но со временем многое поменялось, — мой мальчик обожает слушать об отце.*

Мы отобрали несколько картин, а буквально через неделю узнали, что их все выкупили за какие-то невероятные деньги. Через месяц состоялась первая фантастически успешная персональная выставка, затем вышло интервью в «Дизайне. Искусстве. Промышленности», критики писали лестные отзывы, поклонники искусства бросали восхищенные взгляды на полотна моего друга. Ник уволился из школы под дружные причитания беззаветно любившего его женского коллектива и, наконец, осуществил свою мечту — рисовал целыми днями и поступил заочно учиться на «Дизайн и современное искусство». Место жительства у него тоже поменялось — он взял в ипотеку квартиру, одну из комнат которой превратил в мастерскую. Мы больше не жили в одной общаге, не работали вместе, не встречались ежедневно.

Мне так не хватало наших душевных бесед, во время которых мы пытались блеснуть интеллектом друг перед другом, его смеха и творческих запоев, когда он рисовал всю ночь, а наутро я варил ему крепкий кофе, любуясь кругами под глазами и взлохмаченной челкой. Мой волшебник все больше времени проводил с Марком, перенимая его привычки — ресторан, дорогие часы, брендовая одежда, и спокойный холод в голосе, который я замечал раньше только у Левицкого. Даже взгляд стал другим: не мечтательным, а оценивающим, будто он теперь измерял мир по каким-то новой неизвестной мне шкале. Я был лишним в их тандеме. Ник пытался помочь мне деньгами, но гордость не позволяла мне воспользоваться его финансовой поддержкой. Я съездил на персональную выставку Ника и увидел, что его новые работы тоже несколько изменились. Это уже не были те удивительно трогательные полотна, которые он не хотел показывать никому, будто в них была часть его души. Картины были совершенными, но больше не трогали моего сердца, наверное, потому что я был обижен на моего волшебника, который больше таковым не являлся. Я ревновал, злился на весь мир и изо всех сил пытался убедить себя, что для Ника так лучше.

— *Это тот колдун сделал так, что вы поссорились, и заколдовал папу.*

— *Не знаю, Лисенок. Тогда мне было очень грустно, и я даже начал слегка завидовать и Марку, и Нику — у них были талант, деньги, успех, а у меня только несбывшиеся мечты и тысяча до зарплаты.*

— *Но ты ведь тоже разбогател?*

— *Давай об этом потом, Лисенок!* — я улыбнулся, но улыбка вышла кривой, потому что не хотелось, чтобы он видел, как мне больно от того, что я не могу быть для него тем самым героем из сказки.

Глава 5

Глава 5

«Money often costs too much» — Ralph Waldo Emerson

Трек: Billionaire — Travie McCoy

Как-то вечером в воскресенье раздался звонок с незнакомого номера. Я, решив, что это снова какая-нибудь взволнованная мамаша ученика, недовольная тройкой по английскому, конечно, трубку не взял. Звонили настойчиво, несколько раз, так что в конце концов я просто малодушно выключил звук и убедил себя, что у меня тоже есть право на отдых.

Через час раздался стук в дверь. Никакой приватности: вечно соседи по общежитию за чем-то приходили — то за сахаром, то за чаем, то за деньгами до получки, то за сочувствием. А иногда просто нужны были свободные уши, чтобы выслушать пьяные бредни и жалобы на конские цены и не желающее войти в положение правительство. Я открыл дверь и застыл, увидев на пороге Богдана-Василия Андреевича.

— Ты чего трубку-то не берешь?

— А это вы мне звонили? — такого я не ожидал.

— Можешь мне не выкать. Босс же сказал, что хочет предложить тебе работу, че не пришел к нему? Гордый? — он, крупный мужик с суровым взглядом, бритым черепом и громким голосом, странно смотрелся в моей обшарпанной крохотной прихожей.

— Предложить работу? Я вообще-то не художник, картины не рисую.

— Да галерея у босса так, для души. У него и другие проекты есть, поинтереснее.

— И какие же? — не хотелось звучать чересчур заинтересованным.

— Это уж он тебе сам расскажет.

— Твой босс опять в ресторан приглашает? — у меня на ужин была гречка с тушенкой, и от вкусной еды я бы не отказался.

— Обойдешься, босс сегодня занят, а вот завтра придешь к нему в офис.

— Во-первых, завтра понедельник, я до ночи работаю. А во-вторых, ты меня чего, не отвезешь?

— Не нарывайся, парень! Вот тебе визитка, подъедешь завтра по адресу к девяти утра. Не опаздывай и не вы...пендривайся, босс дважды предлагать не будет.

— Я подумаю.

— Как знаешь.

Мы попрощались, и я пошел спать. Как ни странно, сразу заснул и не думал ни о Марке, ни о Богдане-Василии, ни о странном приглашении. Наутро, проснувшись, я понял, что никуда, кроме своей любимой работы, не пойду. Интуиция вопила, что мне не надо связываться с этими людьми, и, забыв о вчерашнем визите, я чуть ли не впервые в жизни решил ее послушать. Кстати, моя интуиция не такая уж глупая дама, как оказалось впоследствии.

Прошло полторы недели, я запретил себе думать об упущенных возможностях, погружившись в школьную рутину с головой. В четверг, возвратившись домой после родительского собрания полумертвый, я увидел, что моя дверь не заперта. На кухне сидел Ник, с шикарной стрижкой, в мягком даже на вид кашемировом свитере цвета капучино, который выгодно оттенял его янтарные глаза.

— Привет!

— Привет, — я не знал, что сказать, и пауза несколько затянулась.

— Почему ты не пошел к Марку?

— Ник, это ты попросил его взять меня на работу? Спасибо, конечно, но я и сам в состоянии позаботиться о себе.

— Я ни о чем его не просил. И зря ты не хочешь с ним поговорить, он спрашивал о тебе, говорил, что видит твой потенциал. Эта твоя тупая работа за нищенскую зарплату... Поверь, ты достоин большего.

— Меня все устраивает, предпочитаю обходиться без помощи мутных личностей!

— Это из-за меня? Из-за того, что я уехал, а ты остался один? — он явно волновался, и это было дико приятно.

— Нет, не из-за этого. Хотя мне гораздо больше нравился тот Ник, который рисовал с детьми в школе, который не хотел продавать свои картины. Наверное, ты сейчас скажешь, что я просто завидую, но это не так. Есть вещи гораздо важнее квартиры, машины, кашемирового свитера и часов Jaeger-LeCoultre.

— Ты прав. Но знаешь, попав однажды в мир люксовых брендов, понимаешь, что отказаться от него почти невозможно.

— Тебя никто и не пытается вернуть обратно!

— Эрик, но я задыхаюсь там один, без тебя. Я схожу с ума! Мне не с кем поговорить, некому показать картины и поделиться задумками. Никто больше не смеется над моими шутками, никто не подкалывает и не устраивает со мной интеллектуальные турниры, в которых нет проигравших.

— Не смейся, у тебя куча почитателей!

— Да, тупых льстецов, которые считают мои картины модным аксессуаром для их гостиной, не более! Ни мои чувства, ни мои задумки им неинтересны.

— А Марк? — все-таки именно он был главным злом в мире денег и прекрасных иллюзий.

— Он умный прагматик. Ни романтизма, ни тонкого чувства прекрасного в нем нет. Это только ты понимаешь меня с первого слова, а мои картины — с первого взгляда. Моё творчество для него — неплохое вложение денег и модная прихоть. Я — лишь средство для достижения его целей, до конца мне неясных.

— Так мы можем общаться и дальше!

— Да, но я бы все-таки хотел, чтобы ты выслушал предложение Марка. Ты лучший человек из тех, которых я встречал в своей жизни. Ты достоин большего, чем тошнотворный дух общаги и уроки в классе коррекции, просто попробуй!

Я видел, что он искренне верит в то, что говорит, и как всегда не смог ему отказать.

На следующий день Марк позвонил мне сам и назначил встречу. А вечером я уже был в областном городе, не таком захолустном и депрессивном, как наш, в современном офисе целиком из стекла и металла. Я сидел в неудобном кресле напротив господина Левицкого и почти не слушал его. Я примерно представлял, чем он занимается: портовый бизнес, логистика, терминалы. В лихие девяностые там все было по-другому, а сейчас — официально, дорого и почти без конкурентов. И вот посреди всей тяжеловесной, но стабильно работающей бизнес-машины Левицкий смотрел на меня и говорил, что я ему нужен.

— Вам всегда удастся меня удивить, Эрик! То вы отказываетесь от предложений, за которые другие готовы бы были на все, то витеаете в облаках, когда я рассказываю вам о перспективах.

Марк внимательно взглянул на меня, и взгляд его застыл, будто хотел найти во мне знакомые черты. А потом он вдруг нахмурился, будто вспомнив что-то неприятное.

— Я читал о портовом бизнесе и знаю, что он требует огромных вложений, особенно на начальном этапе, — начал я. — Но и рентабельность у него чрезвычайно высока, тем более у Вас, фактически монополиста.

— В который раз отмечаю ваш ум, Эрик. Интересно, интеллект передался вам от родителей?

— Не тратьте времени, я не падоk на лесть, — отмахнулся я.

— Я старше и много повидал в жизни. Поверьте, я разбираюсь в людях. У вас гибкий и подвижный ум, вы образованы, начитаны, умеете убеждать, не алчны и не поступитесь своими принципами ради наживы. Кроме того, вы самостоятельны, способны на неординарные поступки и нестандартные решения. Такой человек нужен в моей команде. Предлагаю вам должность координатора международных проектов.

Марк, как удав Каа из «Книги джунглей», гипнотизировал, обладая животным магнетизмом. Он, тонкий психолог и умелый оратор, притягивал, убеждал и подчинял своей воле. Я сам не понял, как рука потянулась к ручке. Наверное, не из-за денег и не из-за статуса, а из-за того, что он говорил про нестандартные решения и сложные переговоры — про то, что мне всегда нравилось. Сам не знаю как, я подписал контракт и через две недели начал работать на него. «Ладно, — подумал я, — пусть будет эксперимент. На полгода. Если не мое — уйду».

Я боялся, что не справлюсь, что мне будет не по силам то, чем нагрузил меня Левицкий, ведь я просто лингвист по образованию. Но я смог, мне нравилось развиваться, заниматься самообразованием, браться за новые проекты и бросать вызов окружающим и самому себе. Я вел переговоры, общался с партнерами, добиваясь наиболее выгодных условий, совершенствовал свой разговорный английский и учил китайский. Как и мой друг в свое время, я тоже переехал из общаги в собственную квартиру-студию, взятую в ипотеку, купил машину, быстро привыкнув к комфорту. Ника я снова видел почти каждый день, неловкость и недосказанность между нами сошла на нет, мы вновь были лучшими друзьями. Я мог бы назвать себя счастливым, если бы не предчувствие, что вскоре эта сытая и беззаботная жизнь закончится.

— *Давай про это завтра? — мое сокровище заглядывало мне в глаза тревожно и чуть-чуть устало.*

— *Боишься, Лисенок?*

— *Нет, просто это, по-моему, самая интересная часть, а у меня глаза уже слипаются...*

Вот такой у меня ребенок, и за что только мне этот подарок судьбы?

Глава 6

Глава 6

«The most common form of despair is not being who you are» — Søren Kierkegaard

Трек: The End — The Doors

Однажды ко мне приехал Ник — взволнованный, слегка навеселе, совсем не себя не похожий. Никогда не видел его таким: глаза блестели, на обычно бледных щеках играл румянец, будто он только что выбежал из горящего дома или выиграл в лотерею.

— Ник, что случилось?

— В нашей пьесе эта реплика принадлежит мне... — чуть заплетающимся языком ответил он.

— Не понял, — нахмурился я.

— Слушай, как случилось, что ты стал таким? — видно, теперь пришла его очередь вправлять мне мозги.

— Каким?

— Ну... — он на минуту задумался, подбирая слова, — ты перестал читать, смотреть фильмы, перестал говорить со мной. Не споришь, не обсуждаешь свои планы. Не мечтаешь об отпуске на Индийском океане, не рассказываешь про Жюль Верна, про джунгли и про трюм корабля. Твои планы теперь — это только договора, переговоры и прибыль. Я смотрю на тебя, а вижу Марка.

— Но ты ведь тоже был им очарован сначала?!

— Как очаровался, так и разочаровался. — он уселся в кресло и положил ноги на мой новый стеклянный журнальный столик.

— Разочаровался значит, — протянул я. — И почему же, позволь спросить? Ведь наше общение с сильными мира сего — твоя инициатива, насколько я помню.

— Все это: и инициатива, и разочарование — лишь часть стратегии, — он откинул голову на подлокотник кресла и замолчал.

А потом добавил:

— Знаешь, Марку не подходят никакие клише. Его не назовешь ни акулой бизнеса, ни волком-одиночкой. Он этот... как его.... — Ник задумался, — воронковый паук. Выглядит не крупным и не особо опасным. А яд парализует за несколько минут. Молниеносная реакция и высокая эффективность. И сети в виде воронки. Раз — и ты уже его жертва, сам не понял как и почему.

Я смотрел на друга, открыв рот.

— Я тебя ему не отдам, — продолжил Ник, — и разочаровываться в тебе не хочу. Помнишь, — он задумчиво посмотрел на меня, — ты со мной говорил тогда, на кухне в общежитии. И после нашего спора я понял, что теряю что-то важное. Знаешь, что это было? Моё собственное «я»! Теперь ты совершаешь такую же ошибку. Твоя воля парализована, ты уже в сетях!

Ник вдруг ткнул пальцем в мой портрет на фоне водопада, что висел теперь у меня в гостиной:

— Посмотри на себя!

Я бросил взгляд на картину, хотя знал её до мельчайших деталей.

— Когда я писал эту работу, я сравнивал тебя с водой, но не имел в виду, что вода принимает форму сосуда, который заполняет.

— То есть?

— Ты стал тем, кто удобен Левицкому. Ты больше не Эрик, а функция, машина, которая приносит прибыль. Ты сам себя превратил в шестеренку, и она уже скрипит от усталости. Глянь в зеркало! Не лицо, а маска: отсутствующий взгляд, сжатые челюсти, заломы между бровей.

Когда ты последний раз улыбался и радовался в жизни? Ты больше не Эрик, безумный викинг, завоеватель и фантазер. И не эстет Ремарк, ранимый меланхолик. Ты теперь даже не Эрик Призрак Оперы, ты просто Призрак самого себя. Не могу это больше видеть!

А потом он ушел, хлопнув дверью. А я сидел на кухне, курил и ужасался, проходя все стадии принятия — отрицание, гнев, потом почему-то сразу депрессия — пустота и безнадега. Дальше, как обещали психологи, должно быть обретение покоя и готовность двигаться дальше, но ничего подобного не наступало.

Ник был прав. Когда я последний раз гулял в парке? Когда я последний раз смотрел на искры костра? Да что там говорить, я даже не помню какая сегодня с утра была погода, и опали ли уже листья с деревьев. Мама рожала меня для счастья и любви, а я живу ради контрактов и подписей. Так, стоп, а когда я последний раз звонил маме? Пару месяцев назад я просто настроил в онлайн-банке регулярные переводы на ее карту и больше ни о чем не думал. Она звонила мне, но я говорил: «Занят, перезвоню» — и не перезванивал. Когда я стал таким? Что теперь делать? Как изменить ситуацию?

В понедельник я не пошел на работу — просто забил, никого не предупредив. Во вторник Богдан-Василий явился ко мне, молча заломил руку так, что хрустнули суставы, и впихнул в машину, будто я был мешком картошки, а не человеком. Через полчаса я молча вышел из машины в футболке и домашних штанах, несмотря на прохладный сентябрь, молча прошел в кабинет Марка под смешки секьюрити и недоуменный взгляд секретарши. Сел в кресло и закурил. Марк, не выносивший сигаретного дыма, хмурился и молчал. А мне не хотелось ничего, только сидеть, курить и смотреть в одну точку.

— Я все понимаю: кризис, выгорание, депрессия. Но ты слишком ценный ресурс для моего бизнеса, чтобы его терять, поэтому ты временно поработаешь под моим личным контролем над индивидуальным проектом с минимумом посторонних контактов. Общение, особенно с Ником, пока тебе вредно, поэтому Богдан проконтролирует его отсутствие.

— Я не нанимался жить в клетке под твоим личным контролем.

— Нанимался, когда подписал контракт. И будешь делать, что я скажу, — его голос звучал так жестко и холодно, что меня начало трясти, то ли от страха, то ли от ярости. И я вспомнил слова Ника про паука и его жертву.

— Я не марионетка, чтобы меня дергали за ниточки.

— И тем не менее, будешь делать, как скажу я, если не хочешь неприятностей для себя и своих близких.

— Ого, угрозы?

— Я не хотел, но ты вынуждаешь, — я был не настолько глуп, чтоб не понимать, что Марк, бизнес которого начинался с криминальных схем и нелегальных сделок, не был добрым дядюшкой, взявшимся опекать двоих парней, к которым проникся симпатией. Но то, что он может быть настолько жестким и опасным, осознал впервые.

На следующий день я сидел в офисе, в тщательно отглаженной рубашке и в галстук, сосредоточенный и тихий. С этого дня я фактически стал личным ассистентом Марка. Я следил за его рабочим графиком и вел календарь, варил кофе и переводил документы, заказывал для него столик в ресторане и готовил аналитические справки, мониторил дедлайны и отвечал на звонки. Теперь я был не роботом, как раньше, а рабом шефа. Левицкий впахивал, как проклятый, ничего не забывал и не оставлял без личного контроля, просчитывал все на десять шагов вперед. От меня он требовал того же.

Однажды Марк вызвал меня к себе и указал на стул.

— Ты нравишься мне таким, каким стал последнее время, исполнительным, серьезным и четким. Ты выдержал, не сломался, справился со всеми проверками — стрессами, деньгами, депрессией. Значит, можно двигаться дальше.

— Интересно, куда?

— Мне нужны свои люди во власти. Мэр нашего города в свое время охотно делал то, о чем его просили серьезные люди. Сейчас он забыл, кто сделал его мэром. Серьезному бизнесу это мешает. Да и люди им недовольны — плохие дороги, жалобы на коммунальщиков, работу транспорта и незаконную торговлю. Да еще и недавний запрет митингов из-за режима повышенной готовности, объявленного в городе. Мэр зарвался, его многие обвиняют в слишком авторитарном стиле правления, а некоторые даже считают взяточником и обвиняют в нецелевом расходовании бюджетных средств.

— Я настолько далек от политики, что не знаю ни фамилии мэра, ни как он выглядит, — махнул я рукой.

— Ничего, фамилию мэра, которого выберут через четыре месяца, ты будешь знать хорошо, — усмехнулся Марк.

— Это еще почему? — насторожился я.

— Это будешь ты. Я же сказал, свои люди во власти нужны серьезному бизнесу.

Его спокойный, гипнотизирующий голос снова вводил меня в транс и лишал сил сопротивляться. Но то, что он сказал сейчас, заставило меня вскочить со стула. Я склонился над ним, почти уткнувшись носом в его лицо и заглянул в эти спокойные, почти стеклянные глаза — будто передо мной сидел киборг, который уже принял решение и не собирался его менять. Я проговорил чуть ли не по слогам, почти не веря, что это хоть что-нибудь изменит:

— Я не хочу.

— Мальчик, тебя давно уже никто не спрашивает, что ты хочешь, — так же медленно и четко проговорил Марк. — Через месяц начало предвыборной кампании, нам нужно обдумать твою тактику и подготовить почву. Ты обаятелен, умен, молод, образован, обладаешь даром убеждения — идеальный кандидат. Остальное — дело твоей предвыборной команды, ну, и некоторых финансовых вливаний с моей стороны.

Спорить с Марком было бесполезно, поэтому я начал искать альтернативные пути к отступлению. Деловой партнер моего босса однажды предложил мне перейти работать к нему, я тогда отказался, но в тот вечер нашел в бумажнике спрятанную на всякий случай визитку, позвонил и договорился о встрече. Я не боялся, что это будет выглядеть подозрительно. Переговоры шли полным ходом, и я регулярно участвовал в них, часто отвозил документы и общался с нужными боссу людьми. На следующий день я приехал в офис своего потенциального будущего работодателя. Здание было почти таким же шикарным, как у Марка, разве что оформление было в более классическом стиле, а не в любимом Марком хай-теке. Хозяин офиса был подтянутым мужчиной около пятидесяти, бывшим сотрудником спецслужб, что наложило отпечаток на его стиль общения с персоналом, а, следовательно, и со мной тоже — сдержанный, лаконичный и авторитарный. Мы любезно побеседовали, расстались вполне довольными друг другом, и он сказал, что служба безопасности еще раз изучит мое личное дело, и мне сообщат решение. Я ушел от него с надеждой. Даже спал в ту ночь спокойным сном, а не тревожным и прерывистым, как несколько предыдущих.

Через неделю Марк позвал меня в кабинет.

— Значит, хочешь бросить меня? — взгляд был холоднее льда.

— Хочу поменять место работы, это нормально, — отпираться было бесполезно.

— Жаль, но тебе придется отказаться от идеи работать на Белова.

— Почему? — холодок побежал по спине, как часто случалось в кабинете Левицкого.

— Ему сегодня предъявили обвинение в отмывании денежных средств, незаконных финансовых операциях и выводе капитала за рубеж. Счета фирмы заблокированы, думаю, будет инициировано банкротство.

— Но... это ты постарался? — осенило меня.

— Единственное, что могу тебе сказать, мне было обидно, что ты хочешь меня бросить, — горестно вздохнул Марк.

Ясные глазки изучающе смотрят на меня:

— *И ты испугался?*

— *Я понял, что недооценивал Марка.*

— *И ты стал правителем Аквагарда?*

— *Да, стал. Через несколько месяцев.*

— *А мой папа Ник?*

— *Он понял, что я попал в паутину Марка, и не бросил меня даже тогда, когда мне казалось, что я сам себя потерял.*

На следующий день я пришел к Марку, но он был занят и не принял меня. Богдан-Василий Андреевич снова посоветовал не вы...пендриваться — босс лучше знает, что мне нужно.

Через неделю, которая прошла для меня, как в тумане, я все-таки был удостоен внимания Марка.

— Ты все обдумал?

— Да, но....

— Не может быть никаких но, — он не угрожал, не повышал голос, был абсолютно спокоен, однако меня не покидало чувство, что его гипнотически застывший взгляд — взгляд кобры, затаившейся перед броском. Его глаза, начисто лишённые сочувствия, так же холодно и безэмоционально смотрели на жертву, выражая лишь чистый инстинкт и расчет.

— Чтобы идти в политику, надо мало того, что обладать определенным складом характера, надо еще обладать хоть какими-то знаниями в этой области и иметь соответствующий опыт, — начал я.

— Именно поэтому в политике куча бывших актеров, спортсменов, певцов и журналистов... — устало перебил он, будто успокаивая неразумное капризное дитя.

— Я не договорил! Мало того, что у меня нет никаких знаний в этой области, у меня еще и желание баллотироваться напрочь отсутствует!

— Желание появится. И прекрати, наконец, думать только о себе! Сейчас своими недуманными поступками ты подставил Белова, неплохого, кстати, мужика и порядочного бизнесмена. Ты ведь не простишь себе, если твои опрометчивые поступки заденут еще кого-то! А сделав, как я скажу, ты сможешь потешить свое эго: бескорыстно помогать, наслаждаясь ролью гуманиста-филантропа.

Острый холодок страха вновь скользнул по спине. Он угрожает? Мои близкие, мама, Ник, он намекает на них? Я предпринял последнюю безнадежную попытку, уже не надеясь на благоприятный исход:

— Но меня просто не изберут! Я обычный среднестатистический маленький человек из провинции, скучен и ничем не примечателен, как хрущевки в том самом заштатном городке, откуда я родом. Да еще и предскажем примерно так же, как потрепанный дорогами дребезжащий трамвай, вечно идущий по одному и тому же маршруту — всегда по кругу.

— Какие поэтичные сравнения! Мальчик, повторяю, я долго живу на этом свете, а, следовательно, обладаю некоторым жизненным опытом и, к сожалению или к счастью, все вижу таким как есть, без прикрас и иллюзий. Ты понравишься избирателям, за тебя побегут голосовать, и, мало того, ты будешь неплохим мэром. Все в выигрыше, хэппи-энд и занавес! — он издевательски хлопнул в ладоши.

— Но...

— И это твое «но» я тоже вижу насквозь, а также знаю, что ты сегодня побесишься, завтра попереживаешь, может, даже напьешься, хотя в этом сомневаюсь, но избирательная кампания будет запущена в срок и пройдет, как по нотам. Хватит, я устал от тебя, а у меня еще куча дел. Иди!

Марк вызывал во мне двойственные чувства. Жесткий до жестокости, умный, видящий людей насквозь и способный заглянуть в будущее, прагматичный и рациональный, он пугал и подавлял меня, одновременно очаровывая и гипнотизируя. Его ледяное спокойствие и сокрушительная харизма, внутренняя мощь и поистине инфернальный магнетизм заставляли меня чувствовать себя игрушкой в его руках. Много раз он казался мне не пауком, как Нику, а мудрой и опасной змеей — то удавом, что гипнотизирует, а затем душит в своих объятиях, из которых уже не вырваться, то королевской коброй, царственной долгожительницей, одной из немногих змей, которые могут регулировать расход яда в зависимости от размера жертвы и собственных целей — отпугнуть или убить.

Всегда подтянутый, свежий, холеный и безупречно одетый, будто только со страниц журнала о жизни богатых и знаменитых, Марк казался мне молодым и полным сил. Но это его сегодняшнее «я устал», а еще отрешенный взгляд, в котором читалось глубокое понимание жизни в сочетании с тихой грустью и даже фатализмом, заставили меня задуматься о его реальном возрасте. Я ведь фактически ничего не знал об этом человеке, так изменившем мою жизнь. Быстро набрав в поисковой строке Гугла «Марк Левицкий», я застыл, так как в реальность фактов, изложенных в короткой статье, было трудно поверить. Марку, которого я, двадцатипятилетний, считал чуть ли не ровесником, было уже за пятьдесят. Его родители — академик РАН, специалист по нефтехимии и нефтепереработке, и его пятая молодая красавица-супруга, отправили отпрыска учиться в Англию в возрасте четырнадцати лет. Марк закончил колледж Святой Марии в Винчестере, а затем Лондонскую школу экономики и политических наук. Боже, он учился с Нобелевскими лауреатами и миллиардерами, действующими главами государств и членами Палаты Лордов! Все это не укладывалось в голове!

— Тебе было тяжело тогда? — жалеет меня, гладит прохладной ладошкой по щеке.

— Очень тяжело, Лисенок! Я чувствовал себя той самой снежинкой в пургу, сильный ветер нес меня в неизвестном направлении, а земля и небо впереди сливались в один сплошной белый цвет.

— Ты грустил? Плакал?

— Тогда я еще думал, что мужчины не плачут. Но мне очень хотелось разреветься, как в детстве, уткнувшись в подушку, и чтобы мама гладила по голове, целовала в макушку и шептала что-то ласковое и бессмысленное.

Глава 7

Глава 7

«If you do not change direction, you might end up where you are heading» — Lao Tzu

Трек: In the End — Linkin Park

В мой единственный выходной телефон зазвонил в восемь утра. Я перевернулся на другой бок, но звонили так настойчиво, что я испытал дежавю — всё как тогда, с воскресным звонком Богдана. Тактика избегания на этот раз не сработала.

— Алло! — рявкнул я хрипловатым спросонья голосом.

— Доброе утро! — любезный поздоровался незнакомый голос. — Очень рад вас слышать. Я — Виктор Майер, начальник вашего избирательного штаба, политтехнолог.

Голос звучал излишне бодро и неимоверно раздражал меня. Я предчувствовал, что сейчас придется вставать с кровати, одеваться, куда-то ехать, зачем-то общаться с незнакомым ненужным мне Виктором (какое же еще имя могло быть у начальника избирательного моего штаба).

— Не могу сказать, что рад знакомству.

— Понимаю ваши чувства! — я, конечно, в этом тезисе сомневался, но мамино воспитание не давало сказать это вслух. — Нам нужно встретиться и разработать стратегию вашей предвыборной кампании, основной месседж и ключевые идеи. Кстати, нам еще надо будет договориться о встрече с вашим имиджмейкером и PR-специалистом.

Мне, одиночке и интроверту по природе, с крайне ограниченным кругом общения, стало совсем грустно. По работе я, конечно, общался со многими людьми, но это не было непрекращающимся процессом 24 на 7, а именно такая жизнь с кучей новых знакомств, с лицемерными улыбками и никому не нужными разговорами ожидала меня в ближайшее время.

С этого дня начались несколько адски тяжелых месяцев. В северном городе Аквагарде сохранились прямые выборы, поэтому после официального старта предвыборной кампании мы собирали подписи жителей, подавали документы, снова и снова встречались с Виктором, имиджмейкером Романом, PR-специалистом Алексом, с членами моего избирательного штаба. Обсуждали что-то, планировали действия, судорожно меняя тактику на ходу. Я спал по три часа в сутки, от жизни в таком бешеном ритме скинул семь килограммов, по настоянию имиджмейкера сменил гардероб. Мне для образа «нового профессионала», над созданием которого работала моя команда, посоветовали одеваться в стиле смарт-кэжуал, отказаться от любимого черного цвета в одежде, сделать стрижку с короткими висками в стиле Лиги Плюща и заменить швейцарские часы на демократичный российский бренд.

Ник, который заглянул как-то вечером, сначала долго рассматривал меня, а потом сказал, что в шоке от всех этих изменений.

— Тебе это все отвратительно? — мой голос дрожал, как струна.

— Нет, что ты! — отмахнулся он. — Просто в твоих глазах теперь совсем нет тех искорок, которые были раньше. И мне их жутко не хватает. Я так мучился, когда рисовал их на портрете.

Он мечтательно поднял глаза к потолку, а потом тихо добавил:

— Светло-серая радужка, но не цвета расплавленного олова, а как лунная дорожка на воде — подвижность, неуловимость, призрачная безмятежность и приглушенные блики. Как все это передать на картине?

— А сейчас? — нерешительно спросил я.

Он подошел ко мне вплотную. И долго смотрел куда-то вглубь, стараясь увидеть то, что подвластно лишь волшебникам. А потом печально добавил:

— Будто луна зашла за тучи, и бликов больше нет. Глаза скорее цвета утреннего тумана, а взгляд загадочный и чуть отрешенный. Я скучаю по искоркам, хотя такой новый ты мне очень интересен, тебя хочет листать, как книгу.

Я подошел к окну. Там тоже были видны перемены — стылую землю засыпал снег, меняя осенний пейзаж на чистую белую гладь.

— Ник, все эти перемены мне в тягость, — признался я.

— Все это ты выдержишь и с честью выйдешь из испытаний, — уверенно сказал Ник.
— Ты из тех, кто гнется, но не ломается.

— Я не хочу всего этого... — покачал я головой.

— Знаешь, Эрик, я уверен, что перемены и проверки на прочность делают человека живым. Это больно, тяжело и нервно, но ты сбрасываешь кожу и обновляешься, становясь самим собой.

— Но то, что я вижу в зеркале — это не я! — мне хотелось кричать от отчаяния, хотелось, чтоб друг пожалел, но он был непреклонен.

— Значит кожа еще не сброшена, процесс только начался. Прости, мне до сих пор стыдно, что тогда накричал на тебя, просто хотел, чтобы ты всегда помнил, что есть один очень дорогой тебе человек — ты сам, созданный по образу и подобию Божию, прости за банальность. Не теряй, пожалуйста, себя! Оставайся тем Эриком, которого я знаю, помни, ты — лучший и достоин всего самого лучшего.

Он всегда умел поддержать меня, мой единственный друг, волшебник, изменивший мой мир. Как же я скучал по тому времени, когда мы с ним жили в соседних комнатах в общежитии. Помню, нам вечно не хватало денег, и мы пытались как-то решить свои проблемы: я — репетиторством, давая онлайн уроки английского, французского и немецкого (было сложно и неудобно из-за плохого, хоть и ужасно дорогого в северном Аквагарде интернета), он — мастер-классами по графике и живописи на Skillshare (это тоже было затруднительно из-за высокой конкуренции на платформе и из-за того, что Ник владел английским лишь на уровне интуитивного выживания). После всех наших уроков и подработок поздно вечером мы собирались, дурачились, пили дрянной растворимый кофе, купленный по акции, иногда брали у соседей гитару, и я вспоминал уроки в музыкальной школе. В такие вечера мы фальшиво голосили то «Беспечного ангела», то «Кукушку», то «Я свободен». Иногда соседи стучали нам по батарее, чтобы мы заткнулись и дали им поспать, а иногда, наоборот, приходили на кухню и начинали петь. На следующий день, охрипшие от песен, со слезящимися от недосыпа глазами, но довольные собой и друг другом, мы шли на работу. Это были самые счастливые моменты в моей жизни. Интересно, вспоминает ли их Ник?

Мне так хотелось поговорить обо всем этом с моим волшебником, устроить вечер воспоминаний, посмеяться над нашей беспечной юностью, но я всегда был эмоциональным инвалидом, не способным найти нужных слов, чтобы показать человеку как он важен и дорог. Я считал, что молчание красноречивее слов, что то, что мы чувствуем, слишком хрупко и слишком лично, чтобы открывать это даже самым близким. Как же я ошибался! Близким тебе людям надо говорить, что они бесценны, что главное место в твоём сердце принадлежит им по праву.

— Ты жалеешь, что не сказал тогда папе Нику, какой он замечательный?

— Конечно, жалею! Это нужно говорить всем людям, которых любишь, по сто раз в день.

— Тогда я тоже скажу тебе, что ты замечательный, удивительный, чудесный и вкусный!

— А вкусный-то почему?

— Пахнешь мятной жвачкой! Это потому, что недавно побрился. Я даже лизнул тебя в щеку, думал ты сладкий, как жвачка, а ты просто теплый и гладкий.

— Ну ты и фантазер, Лисенок! — улыбнулся я.

— Хочу придумывать истории, как ты, и рисовать картины, как папа, поэтому хорошая фантазия мне нужна. А ты рассказывай дальше, чего замолчал?

Начальник моего предвыборного штаба, чрезмерно энергичный, вечно улыбающийся во все тридцать два белоснежных зуба мужчина с излишне активной жестикуляцией, как-то попросил называть его Вик, а я не мог. Он был для меня только Виктором за абсолютную уверенность в нашей победе, за азарт и упорство, с которыми он шел к цели, моему мэрскому креслу. А еще Виктор абсолютно точно был жаворонком. Вот и в тот понедельник он ждал меня в кофейне в девять утра. Свежий и аккуратный, он сидел у окна с планшетом и в наушниках, пил кофе из картонного стаканчика и кому-то улыбался.

— Привет, Эрик! Прости, что пью кофе, не дождавшись тебя. Просто я после пробежки. Переоделся, принял душ — и сразу сюда. А как побегаешь — всегда зверский аппетит. Завтрак я себе уже заказал.

Я поморщился, завтракать мне пока точно не хотелось. Я заказал капучино и приготовился слушать дельные советы Виктора.

— Эрик, давай по утрам бегать вместе! — бодро начал он.

Я поперхнулся кофе.

— Пожалуй, откажусь от твоего предложения, во-первых, для меня встать на два часа раньше, чем нужно, это нож по сердцу. А во-вторых, я и спорт — понятия несовместимые. Я им даже в школе не занимался, уроки физкультуры и то не любил.

— Но ты в неплохой физической форме!

— Наверное, генетика. Мама стройная, отец, кажется тоже был подтянутым.

— Кажется?

— Да я его не знаю, — поморщился я от того. — Мы никогда не общались вживую. Видел его только на одном фото, да и то давнишнем и нечетком.

— И что, никогда не интересовался, кто он, чем занимается, жив ли вообще? — разговор свернул на тему, затрагивать которую я ненавидел.

— Интересовался. Но мама не любила о нем говорить. Я только знаю, что он приехал на экскурсию в наш город, они с мамой встретились, закрутился роман, а когда кончился его отпуск, он уехал. Обещал вернуться, забрать маму с собой, но больше они так и не встретились.

Официантка подошла к нашему столу убрать посуду. Станный разговор прервался. Почему странный? Я просто никогда не говорил об отце с посторонними. Виктору я рассказал больше, чем кому-либо, и сам не понял почему. Может, потому что в тот момент мне нужен был кто-то, кто услышит не только слова, но и то, что за ними стоит.

— Значит, твои родители не были расписаны? И сыном он тебя так и не признал? — вновь задал вопрос об отце мой собеседник.

— Нет, я на маминой фамилии, и отчество у меня от ее имени образовано — она Александра, я — Александрович.

— А имя?

— Мама говорила, что отец откуда-то из Дании что ли... А может, из Нидерландов... Она надеялась, что он приедет, они поженятся, и мое имя будет прекрасно сочетаться с его иностранной фамилией. А у него, видимо, были свои планы.

— А у него какая фамилия, кстати? — Виктор выглядел неожиданно заинтересованным.

— Не в курсе. Да и, если честно, вообще сомневаюсь, что он иностранец. Выдумал, небось, чтоб маму впечатлить. А надо мной вечно все смеялись — Эрик Александрович Сокольский, жуткое сочетание.

— По-моему, очень гармоничное и красивое сочетание. А для будущего мэра — вообще огонь! Благородное, интеллигентное и запоминающееся. Сейчас загуглим! — Виктор достал из кармана телефон. — Ну вот! Твое имя предполагает аналитический склад ума, это имя для

стратега. А фамилия несет в себе энергию полета, амбициозность в сочетании с цепкостью и проницательностью. Все это создает образ интеллектуального эстета, независимого и с твердым внутренним стержнем.

— Вряд ли можно судить о человеке, ориентируясь на его имя и фамилию, — скептически махнул я рукой.

— Не поверишь, но часто характеристики очень точны!

Я задумался. Интересно было бы спросить Виктора, как он мог бы описать художника Никиту Андреевича Ветрова. Хотя я и так все знаю про Ника — открытого, чистого, порывистого и искреннего, свободного духом мастера с тонким вкусом и бескорыстной любовью к искусству.

Виктор прервал мои размышления:

— Завтра жду тебя на пробежку в шесть утра у твоего подъезда.

— Нет, я же сказал тебе, — я думал, что вопрос о пробежках решен.

— Это не обсуждается! — безапелляционно заявил он. — На время предвыборной кампании уж точно. Мы должны сыграть на контрасте. Нынешний мэр, твой основной конкурент на выборах, — немолодой, обрюзгший чиновник старой формации. Жизнь его здорово потрепала, ходят слухи, что он злоупотребляет алкоголем. У него давление, одышка и грузная фигура несмотря на то, что в молодости он обладал весьма привлекательной внешностью. Ты — молодой, современный, подтянутый, будешь очень выигрышно смотреться на его фоне.

— Я, признаться, ничего не знаю о нынешнем мэре, надо в интернете что ли найти ...

— Не надо, в интернете только та информация, которая выгодна мэру. Даже его фотки и те с фильтрами и под нужным ракурсом. Я пришлю тебе на почту всю информацию о нем. Прямо сегодня пришлю!

Со следующего дня мы начали бегать по утрам. Сначала я ныл: «Лучше пристрели!» Потом втянулся.

Про мэра я тоже прочитал. Его звали Артур Берг, да, именно так, без отчества. Было ли это демонстрацией его демократичности, сугубо личным предпочтением или частью медийного имиджа? Интересно, что бы сказал Виктор про человека с таким именем? Берг — «гора» по-немецки. Такой же недостижимый, сильный и одинокий? Интересно, он из немцев? А может поменял фамилию на более звучную, а сам какой-нибудь Гаврила Сиволапов?

Виктор прислал мне кучу информации про него. В начале карьеры мэр пользовался дикой популярностью избирателей. Ему доверяли, он пытался что-то сделать для города. Была отремонтирована пустующая больница, начал развиваться туризм, появились льготы для предпринимателей. Родилась традиция зимних фестивалей и ярмарок. Но вскоре у мэра случилось несчастье — его жена и шестилетний сын погибли в авиакатастрофе, когда отправились на неизвестно откуда взявшемся личном самолете на отдых. Было много шумихи в прессе. Откуда у мэра личный самолет? Не было ли это покушением на него самого? Вопросы остались без ответа, а мэр и его работа с тех пор сильно изменились. Народ в России жалостливый, Бергу сочувствовали, избирали еще раз, и еще. А жизнь в северном городе с красивым названием становилась все хуже. Процветала коррупция, люди жаловались на беспредел властей. Когда жители организовывали митинги, выступая против строительства мусоросжигающего завода на выезде из города, людей мало того, что не послушали, еще и митинги разогнали. А организаторов осудили на приличные сроки. Людям не нравилось многое: плохая работа транспорта, дорогие продукты и высокие цены на коммуналку. Мэра обвиняли во взяточничестве, коррупции и нецелевом расходовании финансов.

Берг сильно изменился за то время, что прошло с трагедии. Из улыбчивого стройного блондина он превратился в памятник самому себе, став грузным суровым мужчиной в вечном строгом темно-сером костюме, с синим галстуком и дорогими запонками. Поговаривали, что у

него недвижимость за границей и коллекция дорогих машин, но источники были ненадёжные. Хотя, кто знает?

Со временем Берг стал для меня олицетворением зла — беспринципный, алчный, жестокий, грубый, наглый. Он представлялся мне раненым медведем — непредсказуемым, разъяренным, обезумевшим от боли, много пережившим и оттого еще более опасным. Наверное, это его похожая на псевдоним фамилия в сочетании с массивным телосложением вызвала такие ассоциации. Ведь и на германских языках, и на древнескандинавских «бер» — медведь, отсюда и «берсерк», и «берлога».

Я тогда не понимал, что Виктор подобрал информацию так, что я видел лишь негатив в личности Берга, а я сам в то время еще не обладал жизненной мудростью, чтобы понять, что, во-первых, не всему надо доверять, а, во-вторых, что человек, прошедший через ад и потерявший смысл жизни, не мог остаться прежним, его сердце ожесточилось, а душа покрылась льдом. Ведь он потерял самое главное. Больше не Берг, он стал Айсбергом.

— *Ты встретился потом с этим заколдованным Артуром, сердце которого заледенело? — дергает в нетерпении меня за рукав. И, как всегда, все понимает лучше взрослых, вон как Берга-то описал.*

— *Встретился, но сегодня рассказ был очень длинный, я устал, Лисенок!*

— *Хорошо, отдыхай! Я сейчас тебе кровать разберу, а то у тебя почему-то глазки плачут! — по правде сказать, мои глаза слезятся от того, что ничего уже не поменять в этой запутанной истории, а так бы хотелось.*

— *Ты настоящий друг, самый любимый мой мальчик на свете.*

— *Ты тоже мой любимый постаревший и уставший мальчик. Давай обниму и у тебя пройдет все, что сейчас болит.*

— *А если болит душа? — спрашиваю, ведь он знает ответ на любой взрослый вопрос.*

— *Она тоже выздоровеет и со всем справится. Она у тебя сильная! И умная!*

Глава 8

Глава 8

«The only thing worse than not getting what you want is getting it» — Oscar Wilde

Трек: Nine Inch Nails — Hurt

В дни моих предвыборных мучений я редко встречался с Марком, но кое-какую работу на его предприятии все-таки выполнял. И поэтому редко, но все же появлялся в офисе. Однажды Левицкий позвал меня к себе. Я вошел и застыл, глядя на него. Марк выглядел не просто уставшим, а смертельно вымотанным: осунувшийся, с темными кругами под глазами и опущенными плечами. Его одежда, правда, как всегда была безупречна — темно-синие чиносы и голубая отглаженная рубашка с расстегнутой верхней пуговицей. Но прохладный, чистый оттенок рубашки только подчеркивал нездоровый цвет лица, тонкие нити седины в волосах и мелкие морщинки у губ.

— Добрый день, мальчик! — сухо кивнул мне Марк.

— Добрый!

— Что застыл? Плохо выгляжу? — он иронично смотрел на меня со странным, будто окаменевшим выражением лица.

— Выглядите смертельно уставшим.

— О, удивил, — горько усмехнулся он, — даже не стал врать, как все, что я выгляжу безупречно.

— Вам надо отдохнуть, — дал я совет, о котором он не просил.

— Знаю, но сейчас очень важный момент в моей жизни. Переломный, можно сказать. Я жду новостей, а они могут оказаться как плохими, так и обнадеживающими. А ждать в бездействии для меня хуже всего.

— Я могу Вам чем-то помочь? — робко предложил я.

— Боюсь, что помочь мне может только Бог, — тяжело вздохнул он. — Но захочет ли он этого?

Марк указал мне на кресло. Я сел на самый край, напряжение передалось и мне. Левицкий внимательно посмотрел на меня, а потом махнул рукой.

— Ладно, речь не об этом. Как твоя предвыборная кампания?

— Виктор ведь все Вам докладывает.

— Да, но хотелось бы узнать твое мнение, — от его пристального взгляда по спине побежал холодок.

— Думаю, шансы победить на выборах у меня есть, — нерешительно пролепетал я.

— Есть, и они увеличатся, если ты появишься на каком-нибудь мероприятии со своей красавицей-невестой.

— С кем? — я потерял дар речи. Не то, чтобы я не встречался с девушками, у меня были мимолетные связи и даже короткие влюбленности, но до невесты дело точно никогда не доходило.

Мы как-то обсуждали с Ником то, что почти в тридцать мы все еще холостяки, но он объяснял это тем, что я интроверт и волк-одиночка, ценящий свободу и независимость, сдержанный и равнодушный к шумным вечеринкам и веселым компаниям. А он сам, по его словам, был женат на своем творчестве и имел другие приоритеты в жизни — саморазвитие и поиск своего стиля.

— Витаешь в облаках? — насмешливо протянул Марк. — В то время, как я говорю о твоей невесте! Она поднимет твой рейтинг у электората и хорошо впишется в систему традиционных ценностей, которым сейчас придается огромное значение.

— Я не собираюсь никому показывать невесту, которой у меня нет и никогда не было.

— Мы найдем тебе красивую девочку из хорошей семьи, помелькаете перед журналистами, сделаешь ей предложение, романтично встав на колени и вручив кольцо с бриллиантами...

Марк насмешливо смотрел на меня, будто пытаясь предугадать реакцию. Дальше молчать я не мог.

— Я работаю на Вас, участвую в выборах, бегаю по утрам, улыбаюсь во время интервью. Я превратился в Вашего дрессированного пуделя! — я вскочил, с оглушительным грохотом уронив стул. — Можно хотя бы невесту себе я выберу сам и тогда, когда мне захочется?

Марк неторопливо встал. Подошел к окну. И, уставившись куда-то вдаль, тихо сказал:

— В тебе еще есть силы сопротивляться мне, это хорошо! Значит, трудности тебя не сломили. Гнетесь, а не ломаетесь, видно это семейное.

— Что? — не понял я.

— Иди, мальчик! — указал он мне на дверь.

— А невеста? — нахмурился я.

— Найдешь сам, когда захочешь, — устало вздохнул Марк. — А пока скажешь, что твой приоритет — это труд на благо жителей города, что работаешь 24 на 7, а о семье подумаешь позже. Пока ты еще слишком молод. Иди, у меня совсем нет сил на разговоры!

Я ничего не понял из нашего разговора, и на следующий день попросил пояснений у Виктора. Тот улыбнулся и сказал, что босс хотел устроить мне проверку, и я ее прошел. Что за проверка? Зачем? Сначала я ломал над этим голову, а потом предпочел забыть о странном разговоре.

С утра было зверски холодно. Ветер пробирал до костей. Темнота давила на город свинцовым куполом. А мы с Виктором наматывали круги на стадионе. Я предпочитал молчать, а Виктор вновь белозубо улыбался и фонтанировал идеями:

— Нам нужен инфоповод.

— Что? — брезгливо поморщился я.

— Ну, ты появишься на каком-то мероприятии и засветишься перед СМИ, — пояснил он. — Хорошо бы еще каких-нибудь блогеров привлечь. Только вот какое мероприятие? Ты ведь у нас не любитель тусовок, нечастый гость на немногочисленных культурных событиях нашего города...

— Скоро в галерее открывается очередная персональная выставка Ника... — робко предложил я.

На лице Ника вновь расцвела улыбка:

— Гениально! Ты — любитель живописи, тонкий ценитель искусства, дружишь с молодым талантливым художником! Это должно зайти публике! И главное в твоём стиле, интеллигентно и благородно. Все, готовимся к открытию выставки!

И мы начали готовиться. Я читал о живописи и о художниках, чтобы в случае неудобных вопросов не упасть в грязь лицом, и сохранить имидж образованного и интеллигентного кандидата. Ник отбирал картины, которых у него накопилась целая коллекция. Виктор с имиджмейкером Романом обдумывали во что нам с Ником одеться, как себя вести и что говорить журналистам и блогерам.

Меня долго мучал один вопрос, и я задал его всезнающему начальнику моего предвыборного штаба:

— А Господин Артур Берг тоже изучал мое досье? Или...

— С ума сошел? — рассмеялся Виктор. — Нужен ты ему! Господин мэрский мэр даже твоего имени не знает, не говоря уже о каких-то более личных вещах!

— Ему настолько все равно, выиграет он выборы или нет? — я был удивлен, как-то даже обидно стало.

— Он просто настолько уверен в своей победе, что конкурентов не берет в расчет. Это пока нам на руку, а там жизнь ему покажет, что ошибался.

— Почему ты так думаешь? — интересная все-таки личность, этот Берг...

— В наших северных краях, где по полгода длится ночь, люди очень ценят стабильность.

— Почему?

— Стабильность создают иллюзию порядка: ты знаешь правила игры, а, значит, можешь строить планы. Для людей любые перемены — потенциальная угроза безопасности, так что Берг — меньшее из зол, по крайней мере привычное.

— Что-то слышал такое в психологии, — задумался я.

— Да, неофобия, — уверенно заявил Виктор. — Я сам от нее страдал до пяти лет, боялся пробовать незнакомую еду.

— Жуть! Чего только на свете не бывает! — поразился я.

А Виктор добавил:

— И вторая причина — наш народ жалостливый. Берг для них — несчастный мужик, потерявший семью. Есть предположения, что покушение было на него самого, потому что он пошел против сильных мира сего. Так что в глазах избирателей он — страдалец и мученик.

— Но ты все-таки веришь в нашу победу? — я внимательно посмотрел его, и он уверенно кивнул.

— Иначе бы я не возглавлял твой штаб! — Его слова звучали нарочито бодро. — У нас есть несколько козырей, и они обеспечат нам триумф.

Открытие выставки было назначено в пятницу на шесть вечера. Я приехал в галерею заранее, чтобы переодеться и глубоко вздохнуть, пытаюсь справиться с нервозностью. Я пил кофе в кабинете заведующей, когда Ник, возбужденный и раскрасневшийся, распахнул дверь.

Я любовался им. Ему очень шел оливковый кардиган крупной вязки, наброшенный поверх льняной рубашки. Мне имиджмейкер подобрал бежевый блейзер и песочного цвета чиносы.

А потом закрутился водоворот. Ник приветствовал гостей, принимал поздравления с открытием выставки, мило беседовал с потенциальными покупателями. А я просто смотрел на его картины. Те холсты, что он отобрал на выставку, по большей части были мне незнакомы. Выставку своих новых работ Ник назвал «Эстетика мимолетности», и то, что он придумал и воплотил в жизнь, было чудом — замершие на холсте мгновения. Красный закат, отражающийся в окнах домов так, что кажется, в квартирах горит свет. Синичка, готовая вспорхнуть из кормушки. Золотой лист клена, который вот-вот коснется земли. Мальчишка на санках, с улыбкой на раскрасневшемся от мороза личике, готовый вот-вот скатиться со снежной горки. Молодая пара, скользящая в фигурном вальсе по танцполу. И даже я с растрепанной от ветра челкой и стаканчиком кофе в руке — в движении. Волшебник смог удержать в руках время, у других утекающее песком сквозь пальцы. Будто он единственный хозяин и повелитель этого страшного и драгоценного ресурса. Он остановил часы, запечатлев на холсте мимолетности, которые мы не замечаем на бегу, и они остались с нами, застыли, как комар в янтаре.

А я? Дни летят, а я болтаюсь здесь — в чужом городе, играю роль, придуманную не мной и куда-то бегу. И каждый раз по одному и тому же кругу!

Всегда боялся думать о времени, самом жестоком палаче в человеческой жизни. А сегодня вот навеяло...

Время представлялось мне отвратительной личинкой колорадского жука, без усталости пережевывающей молоденькие листочки картошки своими жвалами. С утра куст зеленый и свежий, к вечеру — одни обглоданные палки. Я видел такое, у нас с мамой был частный дом с огородом. Время так же отбирало счастливые моменты, как жуки — жизненную силу у куста.

Вот ты счастливый и довольный в самом начале новогодних каникул, раз — и все закончилось, завтра в школу. Вот ты приезжаешь в долгожданный отпуск на море, раз — и ты собрал

вещи и летишь обратно. Вот утро твоей жизни — ты молод, весел, ловок и здоров, раз — и ты старик, уставший от жизни, со слуховым аппаратом и вставной челюстью. И никто, даже самый сильный и богатый человек в мире, не способен остановить время. Только Ник на своих картинах.

Мне всегда было жутко, когда я задумывался о времени и о царе Соломоне с его «пройдет и это...». А Ник, не ведая страха, рисовал «Эстетику мимолетности».

Гений-импрессионист, победивший монстра, и я, все тот же испуганный мальчишка, как и много лет назад, живущий не своей жизнью. А часики-то тикают, безразлично и жестоко сообщая, что времени остается все меньше, батарейки в них не садятся и стрелки ни на миг не замирают.

Мне стало тошно. Я взял с подноса бокал шампанского, сделал пару глотков — жуткая гадость с газами. Лучше бы пива дали!

«Или водки!» — внутренний голос разделял накотившее вдруг отчаяние и мысль, что жизнь — тлен.

«Мне скоро тридцать лет, и чего я добился? Хотел свободы — получил клетку, из которой не вырваться, хотел море, соленый воздух и чаек над волной — получил душный офис и стук по клавишам ноутбука. Хотел пить Куба Либре, как капитан Рассел, или абсент, как Ван Гог, а пью кислое шампанское и кофе на альтернативном молоке. Хотел потертую рокерскую косуху и кожаные браслеты — получил дурацкий модный блейзер. Хотел быть честным — получил фальшивые улыбки и обещания, которые не собираюсь исполнять», — бунт внутри меня разгорался, как пламя костра.

Я выпил еще шампанского, поморщившись, и почувствовал, что физически больше не могу находиться здесь. Меня раздражало все: нарядные дамы с накачанными губами и глупыми лицами, их солидные спутники, лицемерно восхищающиеся картинами, в которых они ни черта не смыслили, трековые системы светильников, направленные на картины под нужным углом и создающие странные тени, фоновая музыка, слишком приторная и бессмысленная и для картин Ника, и для моего настроения. Уйти из галереи?

В этот момент меня понесло... Так, что стало плевать на инфоповод для предвыборной кампании, на Виктора и весь его (то есть мой) штаб, на раненого медведя Берга с его ледяным сердцем и даже на удава по имени Марк и его смертельно опасные интриги. Но Ник... как я мог бросить своего единственного друга в этом театре теней, где из-за направленного в сторону света видны только неясные очертания фигур, а истинные чувства и лица скрыты под масками? Ник же не виноват в моем неожиданном приступе отвращения к окружающей действительности и самому себе!

Я вышел из огромного выставочного зала, занимавшего весь первый этаж. Галерея была огромной, и разные выставки обычно занимали этаж целиком. Вот и сейчас на первом этаже, судя по афишам, организовали «Эстетика мимолетности», на втором — сборную экспозицию наивного искусства под броским названием «Просто», на третьем — «Норд», выставку фотографий, посвященных нашему северному городу, а на цокольном — «Подвальник: нижний слой», выставку, явно вдохновленную Ленинградским рок-клубом с его подпольной эстетикой, Цоем с его «Камчаткой» и Калужским «Рок-подвалом». Я спустился туда, в царство андеграунда. Как же я все это любил: запах свободы, бунтарство и хаос, гитарные басы, дикие выходки, бесконечный драйв и болезненный надлом. Я ходил по выставке, где не было абсолютно никого, кроме зрителей. Слушал музыку, надевая наушники и нажимая кнопки, смотрел на желтевшие фотографии и плакаты. Некоторые вещи разрешалось трогать, и я примерил тяжелую косуху с нашивками, как у Шевчука, длинный кожаный плащ в стиле нуарного героя или рок-Мессии, как у Кинчева и Шклярского, потом самодельные напульсники и ошейник с шипами. Задумчиво помял в руках растянутый свитер, как у Данилы Багрова. Я завидовал им всем —

дерзким, смелым, немного безумным и дико талантливым. Даже тем, кто остался вечно молодым и ушел в закат, не дождавшись осени. Почему я никогда не смогу стать таким?

У одной из витрин с фотографиями стояла старая рокерская гитара Telecaster со следами-ожогами от сигарет на грифе и наклейками Nirvana, Metallica и AC/DC.

— Можно потрогать? — спросил я у молодого зрителя.

— Она не принадлежала кому-то из звезд, если Вам это важно, — небрежно махнул он рукой. — Так что можете взять, музейной ценности она не имеет. Здесь на выставке много таких экспонатов, они скорее для настроения и привлечения внимания.

— Выставка, кстати, через неделю закрывается, — присоединился другой зритель, седой мужчина лет пятидесяти. — Было много посетителей, в основном, конечно, те, кто еще помнит Цоя, «Брат-2», Талькова, Кормильцева и Летова. Но и молодежь приходила, интересовалась.

Я бережно взял инструмент в руки. Гитара хоть и не принадлежала рок-звезде, явно была со своей историей. Включил инструмент в усилитель и провел по струнам. Чудо! Во-первых, винтажный Telecaster звучал лучше современного, а, во-вторых, старший зритель хоть и не сводил с меня глаз, не потребовал прекратить самодеятельность.

— Ого, все работает? — я был в восторге.

— Да, здесь один местный гитарист по выходным играет. Для атмосферы! — улыбнулся седой мужчина.

— Можно я сыграю?

— Умеешь? — усмехнулся он.

— Балуюсь понемножку! — он взглянул на меня изучающе и слегка ревниво.

— Знаешь, этот местный гитарист — я, а гитара — сокровище, на которое я полгода копил, когда был студентом и играл в студенческом рок-клубе. Сейчас, конечно, я малость подрастерял навыки, но руки все равно помнят. Сыграй, если умеешь, но смотри, аккуратно, эта гитара — все что осталось от моей безбашенной молодости!

— Эрик! Ты куда пропал? — услышал я и, обернувшись, увидел Ника. — Я тебе еле нашел, хорошо, что охрана видела, как ты спускался. Пойдем, там журналисты хотели взять у тебя интервью ...

— Ник, ты иди, я чуть позже вернусь.

— Пойдем вместе, Виктор ждёт! — он легонько подтолкнул меня к выходу.

— Мне разрешили взять гитару...

Ник на секунду замер, будто взвешивая последствия, но потом улыбнулся той самой улыбкой, которую я видел только на общажной кухне:

— Что, назад в безбашенную голодную юность? В то самое счастливое время?

Я любовно провел ладонью по грифу гитары.

— Очень хочу на ней сыграть, она такая трушная, много повидавшая, настоящая рокерская!

Ник хитровато улыбнулся:

— Или все же будем умными-благоразумными? Завтра придем сюда, а сейчас...

— Нет, — отмахнулся я, — давай хоть одну песню сегодня.

— Давай! — он отошел и сел на стул зрителя, удобно развернув его ко мне.

— Что спеть?

— Давай «Перемен требуют наши сердца», ты в таком антураже и с таким инструментом прямо бунтарь-одиночка.

Я заиграл Цоя и запел, сначала неуверенно, потом, под одобрительный кивок зрителя и восхищенный взгляд Ника, смелее и громче. Потом были «Мама, мы все тяжело больны», «Звезда по имени Солнце» и «Скованные одной цепью» Наутилуса. Ник больше не звал меня наверх, зрители подпевали.

Через полчаса зал потихоньку начал наполняться. Солидные господа со своими кукольными барышнями, журналисты и фотографы с искусствоведами спустились к нам, услышав вечные рок-хиты. Кто-то хмурился и выглядел недовольным, кто-то смотрел на меня, как на сумасбродного идиота, разве что пальцем у виска не крутил. Но большинство прониклась, вспомнив молодость.

— А «Выхода нет» можешь? — крикнул коротко стриженный мужчина плотного телосложения в дорогом графитовом костюме. Я спел ему и про выход, и про орбит без сахара. Потом были еще заявки. Дама в красном платье с декольте попросила «Опиум для никого», потом были еще «Владивосток 2000», «Ой-йо» и другие. Ряды зрителей поредели, но самые преданные устроились поудобнее и аплодировали мне после каждой песни. Только однажды мне почудилось, что у дверей мелькнула тень — худощавая и чуть сгорбленная фигура, похожая на Марка. Голос дрогнул и сорвался, будто кто-то ледяной рукой коснулся затылка. Я зажмурился, ожидая скандала, а когда открыл глаза, в проеме никого не было. «Кажется, показалось!» — я откашлялся и глубоко вздохнул, пытаюсь успокоить пустившее вскачь сердце.

А потом вошел в раж и пел еще и еще, глядя на зрителей и улыбающегося Ника с его блестящими, будто пьяными, глазами.

Около девяти зритель попросил закончить — выставка закрывалась. Я, как положено, спел последнюю песню по заявкам, выключил усилитель и отложил гитару.

— Ты реально крутой! Я прям двадцать лет скинул! — похлопал меня по плечу тот самый графитовый мужик. А декольтированная дама поцеловала. Её поцелуй с алой помадой был как вспышка: яркий, липкий и совершенно чужой на моем личном отчаянном бенефисе.

— Ты моя личная рок-звезда! — обнял меня Ник, сжав до хруста в ребрах. — Сегодня ты вновь стал самим собой — не позволяй им это забрать...

А пожилой зритель просто умиротворенно кивал головой.

Мы поднялись наверх. Презентация выставки закончилась, все разошлись, официанты убрали фужеры и тарелки из-под закусок.

— Одевайся, отвезу домой, rock star! — Виктор как всегда звучал бодро и излишне оптимистично, а я почувствовал себя Золушкой в полночь. Я попрощался с Ником, чувствуя странную смесь вины за то, что подпортил ему праздник, перетянув внимание на себя, и облегчения: я не сдержался, но впервые за долгое время дышал полной грудью.

Почти всю дорогу мы с Виктором молчали. Только когда машина остановилась, я малодушно спросил:

— Что теперь будет?

— Все будет отлично! — протянул он руку для рукопожатия.

— Но я все испортил...

— Ты встряхнул это болото...и, возможно, разворошил осиное гнездо.

— Осиное гнездо?

— Да! Ты показал, что не кукла. Не марионетка в чужих руках, послушная кукловоду. Это может кое-кому не понравится. Но есть и плюсы в твоём сольнике! Люди устали от одинаково прилизанных кандидатов, а ты сегодня был живым — пусть и немного сумасшедшим.

— Марк, наверное, будет в ярости.

— Иди спать, rock star! Ты сегодня сиял, остальное тебя тревожить не должно.

— Ты споешь мне про «Звезду по имени Солнце»? — шепчет мне на ухо Лисенок.

— Почему именно её?

— Она красивая и грустная. Про войну, которая никак не кончается.

— Я тысячу раз её тебе пел.

— От этого она точно хуже не становится.

— Неси гитару, Лисенок!

Когда я отказывал самому важному человеку в моей жизни?